

Стеффи Монé

Литературные путешествия Тони Шаталиной

Иногда
самая обычная
девушка
способна
повернуть мир
наизусть
попасть в книгу

Самиздат

книжки
подростки

популярная
литература

книжки о
подростках

детективное
расследование

Самиздат
классика

популярная
литература

книжки о
подростках

Стеффи Моне

Литературные путешествия

Тони Шаталиной

<https://litres.ru/74600253>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самая обычная девчонка способна перевернуть мир литературы, нечаянно попав в книгу... Так начинается эта фантастическая история о велих катастрофах, тайнах... вечной любви и дружбе

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Литературные путешествия Тони Шаталиной

Глава

Хорошо, когда рождаешься с красивым именем — высоким, словно прекрасная магнолия. Ангелина, например: в нём будто слышен шелест божественных крыльев. Или Снежанна — словно холодная Снежная королева пронзает тебя взглядом настоящей зимы...

А мне с детства достались простенькое «Тонька» и тяжеловесное «Антонина». Да, моя прабабушка, в честь которой меня именовали, носила это имя и была известной дояркой: делала рекордные надои и даже получила орден Трудового Красного Знамени. При этом она любила классическую музыку и иногда тихонько подпевала арии Ленского под барабанные трели струек коровьего молока...

Но я-то — известный блогер современного мегаполиса с таким именем! Ужас... Поэтому «Тонька» — лучший вариант в лабиринте моих псевдонимов. Во-первых, оно ближе и роднее истине. А во-вторых, папа, который воспитывал меня один, так гордится мной, что, узнай он о моём снобизме, тут же погнал бы на утреннюю пробежку по снегу босиком — чтобы перебороть барские замашки.

Отец у меня замечательный, хоть и совершенно неприспособленный к быту. Он в любой момент может отдать всю нашу еду встречному нищему — и мы потом давимся перловкой до зарплаты. Или срочно собираем деньги на благотворительный питомник, и тогда последняя заначка на Новый год улетает в трубу: плетёмся к бабушке в Тулу за бесплатными пряниками.

Бабушка у нас тоже замечательная, даром что полковник в отставке. Её командный голос, кажется, слышат даже куры, ушедшие на другой край деревни. Правда, интернета у неё нет: она считает его «бесовским племенем» и борется с ним не покладая рук, каждый день вознося молитвы в местном крошечном храме.

Батюшка их прихода — моя отдушина в этой глухой деревне. Молодой и современный, он умеет не только укреплять веру и воспитывать волю, но и приоткрывать тайны мироздания...

Вот и все мои близкие — семья малоизвестного блогера Тоньки Шаталиной. Кстати, фамилия у меня превосходная: она будто создана для моих литературных путешествий сквозь века. Я и правда шатаюсь сквозь столетия, пытаюсь разгадать тайны великих людей. Иногда удаётся всё заснять и показать подписчикам, но чаще эти истории становятся главным достоянием их слуха.

Ух! Наконец-то добралась до самого главного: я могу перемещаться во времени. Конечно, взрослые и самостоятель-

ные школьники никогда не поверят в эту белиберду. Да я и сама бы не поверила, если бы однажды не обнаружила способность погружаться в слова книг.

А было это так...

Начало

Папа у меня всегда был до предела забывчив. Ещё в далёком детстве, когда я едва доставала до края стола, мы учились читать по тем книгам, что попадались под руку, — а попадались нам сплошные боевики и детективы.

Так что моим первым делом стал вовсе не «Колобок», от которого я убегала бы от глупого медведя, нерасторопного зайчика или хитрой лисицы. И не «Золушка», где сёстры отрубали себе пятки и пальцы, лишь бы выхватить принца — кроваво, но глупо. И уж точно не «Золотой ключик», где пришлось бы выбирать между деревянным Буратино, Пьеро; плаксой и бородатым Карабасом. Всё это были маленькие глупости, с которыми я бы справилась без малейшего содрогания. Но меня сразу занесло в страшную детективную историю с самим Шерлоком Холмсом.

А было это так.

Утро на Бейкер-стрит выдалось неважное. Я очнулась как раз в тот момент, когда Холмс — а вместо него была я — в халате не по размеру, цвета старого чая, пыталась пиликать на скрипке что-то нервно; невероятное. Ватсон, как истинный джентльмен, терпеливо слушал мою белиберду. Его даже не смущало, что «великий сыщик» слегка мелковат для

расследований.

В тот самый миг, когда я, бледная от шока, пыталась признаться во всём доктору, поплакать и вернуться обратно, раздался звонок в дверь. Влетела непонятная девица — Элен Стоунер: бледная, растрёпанная, дрожащая, в шляпке, которая явно пережила бурю. Мне пришлось тут же сделать вид, будто я не просто слушаю, а уже вычисляю её семейное древо по пуговицам пальто. Ватсон мысленно вздохнул: «Опять начинается». А я к тому же слышала его мысли — слава богу, ненадолго, иначе авторитет сыщика мгновенно рассеялся бы от моей глупости.

Элен рассказала историю, от которой даже у скептика зашевелились волосы на затылке, а уж у ребёнка и подавно. Всё это время я гадала, за что на меня свалилось это наказание: то ли за то, что съела вчера последнюю конфету, то ли за враньё про пятёрку в дневнике. На самом деле там была двойка, которую я аккуратно, до дыры, исправила на пять. Папа у меня человек принципиальный: в электронные дневники не верит — говорит, по религиозным соображениям. Но мне кажется, ему так удобнее драть меня за ухо и постукивать дневником по столу.

Итак, Элен жила в старом поместье с отчимом — доктором Гримсби Ройлоттом, типом внушительным, как шкаф, и дружелюбным, как голодный медведь. Когда-то у Элен была сестра;близнец Джулия. Та собиралась замуж, и тут всё пошло не по плану. За две недели до свадьбы Джулия на-

чала слышать по ночам странный свист и лязг металла. Это уже напрягало: ночные кошмары — спутники всех маленьких детей, а мне на тот момент было семь. (Заранее извиняюсь, что так поздно училась читать. Папа говорил, что у детей должно быть настоящее детство. К тому же мне в армию не идти — об этом я сильно жалела: можно было пойти в школу с восьмью... И вот я такой переросток: ноги как у дылды, платье короткое и затёртое, а я учусь читать.) Тьфу, опять прослушала, что мямлит эта девица...

Вроде бы речь шла о крике, панике и фразе, ставшей проклятием: «Пёстрая лента». И всё. Джулия мертва, а врачи разводят руками: мол, нервы, стресс, переутомление от викторианских платьев. Кстати, почти то же самое было с моим первым учителем: он поучил нас всего месяц, как схватился за сердце — и капут. Сбежал навсегда.

Продолжаем. Теперь Элен сама готовится к замужеству. И что делает заботливый отчим? Переселяет её в комнату покойной сестры — якобы из-за ремонта. Ну, знаешь, такой семейный жест: «Дорогая, вот тебе спальня, где умерла твоя сестра, чувствуй себя как дома». Элен слышит тот же свист, ту же возню, и её нервы уже не просто на пределе — они давно уехали в отпуск без неё.

Я, конечно, только этого и ждала: обожаю загадки, особенно если они пахнут экзотической опасностью и сомнительной моралью. Уже хотела отказаться, но смотрю — Ватсон собирает саквояж. Он знает: если Холмс загорелся, сидеть

на месте не будет. Я;то загорелась, да у меня от страха поджилки тряслись, а сердце, казалось, осыпалось куда;то в трубы. И всё же мы тащимся в поместье. По дороге я пытаюсь строить теории побега или мирного ретирования, а Ватсон мысленно репетирует, как будет писать отчёт, чтобы это не звучало как бред сумасшедшего. В каждом своём варианте он восхваляет меня как бога — и ничего мужика не смущает, даже то, что мой плащ волочится по земле.

Приехали. Дом мрачный, скрипучий, будто сам хочет что;то рассказать, но стесняется. Ройлотт встречает нас так, будто мы не гости, а мыши, которых он давно собирался прихлопнуть. Он грозен, громогласен и явно не рад, что кто;то сует нос в его дела. Но Ватсон не из тех, кого можно запугать взглядом. Он смотрит на меня с видом человека, который уже знает: я разгадал загадку, просто жду, когда остальные догонят мои мысли;скакуны. А по;настоящему там — темнота, страх, и... ну, скажем так, кое;что просится наружу. Я ещё и в туалет не успела сходить. Вот и думаю, куда бы спрятаться и сделать своё непристойное дело. Для Великого Холмса, наверное, в этой огромной книге и слова такого нет...

Только я отошла в потайную комнату Джулии, как начинается настоящий квест. Кровать привинчена к полу — странно, но ладно. Шнур от звонка висит, хотя звонить некому, — ещё страннее. Вентиляционное отверстие ведёт не на улицу, а в соседнюю комнату, где живёт сам Ройлотт. И вот тут у ме-

ня загораются глаза (очень уж хотелось в туалет): пазл складывается быстрее, чем Ватсон успевает заскочить за мной. Мы решаем, что я проведу ночь в комнате Элен. Девушку отправляют в безопасное место, а мы с Ватсоном остаёмся ждать.

Тишина, темнота, только часы тикают, будто отсчитывают последние секунды чьей-то жизни, да живот безбожно бурчит. И вдруг — тот самый свист. Тихий, зловещий, будто кто-то зовёт из другого мира. А в туалет;то хочется... Издеваются, садисты!

Я, не теряя ни секунды, бью тростью по шнуру. Раздаётся жуткий крик, и вся троица мчится в комнату Ройлотта. Там — картина маслом: Ройлотт сидит в кресле, а на его голове — та самая «пёстрая лента». Только это не лента вовсе, а болотная гадюка: змея с узором, который и дал название рассказу. Ядовитая, быстрая, смертельно опасная. Я ловко накидываю на неё плетъ и запираю в шкафу, как будто это не змея, а капризный кот, который опять разбросал игрушки.

И возвращаюсь домой, под крылышко к папе, который воодушевлённо заканчивает читать «Пёструю ленту». Уже из туалета узнаю, что Ройлотт годами вынашивал план: он не хотел, чтобы сёстры выходили замуж, ведь по завещанию они получали долю дохода матери. А значит, всё оставалось бы у него. Он привёз змею из Индии, где когда-то служил, и придумал хитроумный способ её использовать: через вентиляцию, шнур и ночные звуки. Джулия стала первой жертвой.

Элен должна была стать второй. Но тут вмешался Холмс — и злодей сам стал жертвой своего же коварства.

Вот и мораль моей первой попаданческой истории, если вдруг мои слушатели её искали: не переселяйтесь в комнату, где кто-то умер при загадочных обстоятельствах; не доверяйте отчимам, которые держат змей, да и вообще опасным типам. И если слышите странный свист ночью — лучше сразу сходите в туалет, а то случится страшное. Или хотя бы обратитесь за помощью ко взрослым — что я и собиралась сделать.

Но мой папа в полудрёме сказал, что и у него был однажды такой случай. Стоял он тогда в карауле, а вороны кар;кар...

И — храп.

Я, конечно, подождала немного, но потом и меня сморило.

Так и пришлось умудряться оставаться собой: немного эксцентричной, бесконечно глупой и до смешного уверенной, что папа меня спасёт или логика победит любой яд. Глава 2 поучительная история....Один раз, как известно, не считается, потому я совершенно не желала верить в эти литературные недоразумения.«Забыла, забыла, забыла...» — шептала я себе, вспоминая скользкий хвост змеи и желание найти туалет. Да нет... Это всё сон или глюк... Так и порешили. И вселенная поверила мне, заставляя каждый день погружаться в рутину глупости и обыденности. Ну как тут не вспомнишь фантазии и любящую мамочку... А тут ещё отец

со своим закадычным другом — тем самым, с чёрными курчавыми волосами и карими, как ночь, глазами, — решили прочитать мне нотацию о недопустимости доверия мужчинам. Будто сами-то они кто-то другие... — Ты, дочка, мужикам не верь. Кто им поверит, тому глаз вон, — бубнил папулик. А я думала, что эта поговорка как-то по-другому звучала — до его вмешательства. Что-то вроде «старое помянет»... Его друг продолжал: — Восточные легенды говорят, что только устойчивая женщина может быть счастливой... «Устойчивая» — меня насмешило это слово, а «женщина» вообще ввергла в шок. Да мне до женщины как до луны пешком. Ну, продолжим. Папа не унимался: — Какой бы красивый мужик ни был, а он трепач. Ложь у нас в сердцах, да мы даже не считаем обман женщины чем-то плохим. Мол, всё во благо. В это время друг кивал головой: — Уж мне-то поверь, мой дед был цыганским бароном. Ещё в детстве я узнал, как несчастливы женщины, что ошиблись в выборе красавчика. Тут он погладил себя по седой бороде и продолжил: — Мы лишь когда решаем жениться, то что-то щёлкает внутри... И понимаем об ответственности, а иногда и о желании завести детей... Иначе — смерть. Тут мой папа очнулся и зашептал другу: — Ты тут не нагнетай, а то она вообще не выйдет замуж. И где я лет через десять внуков найду? — В детском доме. Я же вырос... Потом они начали ссориться, приводя невероятные аргументы в пользу разных точек зрения, но я уже не слушала — наводила порядок в своей ком-

нате. Да и кровать пора было разбирать. Тёплое одеяло уже настроило меня на сон, когда папа зашёл с книжкой. И всё же это меня не насторожило: вдруг просто положит, поцелует в лобик и уйдёт. Ан нет. Ему хотелось подытожить разговор. Он раскрыл книгу... И — ах! Я провалилась! Каково же было моё удивление, когда я снова стала детективом, а моим верным помощником оказался не кто иной, как папа — только в смешном котелке и с усиками, как у кота. И он мне с таким апломбом: — Инспектор, докладываю: дело 1877, «Дело о пропавшей репутации». Поступила тревожная сводка: дама высшего света, Анна Аркадьевна Каренина, покинула семейное гнёздышко. Подозреваемый — граф Вронский. Мотив — страсть, отягчающее обстоятельство — вальсы на балах. Я нахмурилась, как и полагается инспектору, и поправила пенсне. — А муж? Он что, не заметил потери жены? — О, он заметил, — вздыхает помощник, что как отец мне. — Но у Каренина такой стиль ведения семейных дел: «Я всё вижу, но промолчу, потому что чин не позволяет устраивать сцены». Он скорее напишет докладную записку на имя министра, чем устроит скандал. — Так это семейное дело, помощник! Почему мы должны влезать в это безобразие? — Так у них же ребёнок! Испорченное детство и так далее... Нужно спасти семью! Тут я вспомнила о себе и о пропавшей мамочке, которую никогда и не видела. Видимо, потому-то отец так и волновался о книжном ребёнке. А ещё я подумала, что здорово, что попала в какой-то краткий пересказ

книги Толстого «Анна Каренина», иначе путешествие затянулось бы на вечность. Хоть и не читала, но была наслышана о многословии автора. Слышу, помощник продолжает:— Дальше — светское общество. Это у нас отдельный подзреваемый: коллективный, злопамятный и очень разговорчивый. На каждом приёме— Улики? Есть ли улики, Фикс?

— Свидетели есть? — спросила я.

— А второстепенные линии?

— Вердикт?

А в глазах — только мой несчастный ребёнок... "Нет, с этим нужно что-то делать." - подумала я и создала свой канал с настоящими подписчиками. А было это так...****

После второго путешествия меня стали одолевать тревожные мысли. А не сошла ли я с ума? Живу себе, живу, а мой мозг будто ходит сам по себе, и неизвестно куда. Конечно, эта мысль могла обескуражить почти взрослого ребёнка. Я несколько раз спрашивала у отца и бабушки, какая я. Те бодро отвечали, что лучше не придумашь: «Самая замечательная девочка в мире!» Пришлось обратиться к батюшке. Отец Анатолий, хоть ему и было лет тридцать, долго и внимательно меня слушал. Тихонько, без лишних вопросов. И когда мой сбивчивый рассказ про Шерлока и Каренину закончился, он немного помолчал и выпалил:— Человек может всё, но всё ли ему на пользу?— Так вы не отрицаете мои путешествия? — спросила я.— Кто я такой, чтобы утверждать то или иное? Но одно я знаю точно: тебе стоит вниматель-

нее относиться к своему чтению. Да и заведи читательский дневник или блог. Язык у тебя подвешен — я даже заслушался. После этой фразы он сунул мне две книги: Библию и «Я и Оно» Зигмунда Фрейда. Это был неожиданный поворот в моих литературных путешествиях. Сначала, как законопослушный друг, я почитала Библию. И... о чудо! Хорошее, спокойное чтение, безо всяких путешествий. Но руки так и тянулись к Зигмунду Фрейду. И вот, поставив перед собой камеру, расчесав волосы и наспех подобрав одежду, я погрузилась в книгу... Чик! Брык! Ой, ля-ля... В мгновение ока я оказалась внутри странной спирали, которая текла и переливалась. Представьте такую метафору: психика — это как классный космический корабль (а я — супергерой, если хочешь, открыватель неизведанного). Внутри него целая команда, и у каждого своя роль. Я назвала её «Трио внутри нас». Мой живот раскрылся, а там, внутри, — душа или психика. Не зря «психос» — это душа... Выскакивает, как чёрт из табакерки, из моего личного пространства такой задорный, импульсивный малыш. — Привет, я Ид, или «Оно»! — Очень приятно, — говорю я, а сама пытаюсь его задвинуть обратно. Негоже, чтобы части меня расползались, будь то оно или она... А этот негодник не только не слушается, но ещё и орёт: — Я живу по принципу «хочу сейчас»! Если Ид захотел конфету — он не будет ждать ужина и не станет думать, полезно ли это. Я просто кричу: «Дай!» Бил... Стыдно стало: это же моя реплика по жизни, а теперь её

отобрали, да ещё кто... «Кстати, — утешаю себя, — это базовые инстинкты и желания человечества: поесть, поспать, развлечься, иногда даже немного пошалить». Тут почему-то стыдно стало за всех людей... А Ид продолжает:— Я не знаю слов «нельзя» и «потом». Сиюминутное удовольствие — моё всё. Снова слизал у меня, паршивец! Вот может же он залезть в душу... Стоп! Это же и есть душа по Фрейдю... Наконец, малыша я затолкала обратно внутрь, а оттуда вылез подросток-переросток. Он поцеловал мне ручку — я аж опешила.— Я — Эго, или «Я», то есть ты. Тут я совсем запуталась. Но сразу видно, что это уже более взрослый, рассудительный член команды. «Вот и думаю, может, сделать вид, что не вижу его? Вот нет, и всё...» А он улыбается и говорит:— Моя задача — не игнорировать Ид, но и не потакать всем капризам глупого малыша. Если ты не будешь действовать по принципу реальности, Эго не разглядит обстановку, не увидит, какие есть варианты, а значит, и компромисс. Тут я не выдержала:— Например, Ид хочет конфету прямо сейчас, а Эго предлагает: «Давай сначала съедим суп, а потом десерт — так всем будет лучше». Как это помогает мне адаптироваться к миру, принимать решения и контролировать поведение? Подросток сдулся и плюхнулся на место. Я уже вздохнула с облегчением, пока не вылезло ещё одно чудо.— Я — Суперэго («Сверх;Я»). Это твой внутренний наставник, учитель или даже строгий, но заботливый родитель. «Этого мне ещё не хватало! Наставников пруд пруди, а когда мне жить

и радоваться предлагаете?»— Всё успеешь, малышка. Ведь «Сверх;Я» впитывает правила, которые в детстве рассказали: что хорошо, а что плохо, какие нормы приняты в обществе. Я вместо тебя контролирую Эго и могу подталкивать его к правильным поступкам. А если мы нарушаем внутреннее правила — напоминаю об этом чувством вины или стыда. «Вот кто виноват в моих бессонных ночах и сгрызанных карандашах! Вот паршивцы...» «Да я вас сейчас быстро приструню!» Но вся фишка в том, что эти трое постоянно взаимодействуют (лишь иногда спорят!). Ид тянет меня в одну сторону, Суперэго — в другую, а Эго пытается найти золотую середину. Если Эго сильное и гибкое, оно успешно балансирует, и нам комфортно. А если, например, Суперэго слишком суровое, а Ид очень активный, может возникнуть внутренний конфликт: хочется нарушить правило (Ид), но страшно почувствовать вину (Суперэго), и Эго мучается, пытаясь всё уладить. «Да нет, так я точно сойду с ума!» Это словно айсберг: видимая верхушка — то, что мы осознаём (Эго), а огромная подводная часть — бессознательное, где бурлит Ид и хранятся разные глубинные переживания, о которых мы сами не всегда догадываемся. Наконец я изловчилась и... Тысячи комментариев в моём канале... Я стала суперпопулярна и известна. Вот тебе, батюшка, и «всё может»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.